
ВЯЧЕСЛАВ КОРД
ПОРОГ
РОЭНА
СЕРИЯ «СЕТЬ»
КНИГА 1
18+

Вячеслав Корд
Порог Роэна

https://litres.ru/74735053
SelfPub; 2026

Аннотация

Егор Трент работает прорабом. Двадцать лет он читал грунт, как чертёж. В тот день грунт ушёл из-под ног, и он очнулся под чужим небом с двумя солнцами. Он понимает каждое слово, но не может ответить. У него нет документов. И нет права на воду. На Роэне вода считается нормой, законом и валютой. Избранные наверху меняют тела и живут веками. Бракованные внизу сортируют мусор за паёк. Над нижними кварталами висят невидимые дроны, а за свалкой начинаются Пустоши, откуда не возвращаются. У Егора есть руки строителя, упрямство и чужая технология, проснувшаяся у него под кожей. Она читает любое письмо, и об этом лучше молчать. Империя уже ищет «аномалию вне учёта». А на древнем металле, которому тысячи лет, его ждут буквы. Земные. Первая книга серии «Сеть».

Содержание

Глава 1 5
Пролог. Точка опоры 6
Часть первая. ЧУЖОЙ 8
Глава 1. Чужое небо 8
Глава 2 22
Глава 2. Норма 23
Глава 3 36
Глава 3. Проверка 37
Глава 4 49
Глава 5 60
Глава 5. Жар 61
Глава 6 75
Глава 6. Верхний ярус 76
Конец ознакомительного фрагмента. 91

Вячеслав Корд
Порог Роэна

Глава 1

Порог Роэна
Серия «Сеть». Книга первая
Вячеслав Корд

Пролог. Точка опоры

Дождь начался в шесть утра. К полудню он стал тем, что бригадир соседей звал «плеванием небес»: мелкий, злой, лезет под любую куртку, сколько её ни застёгивай. Егор третий час стоял по колено в жиже. В ботинках давно чавкало. Он не замечал. Он смотрел на грунт.

— Трент! — надсаживался бригадир через котлован. Голос тонул в рёве техники. — Несущую рвёт!

Егор не ответил. Двадцать лет он смотрел на землю. Читал её, как чертёж. Карстовая воронка: геологи на неё рукой махнули, «Да ну, ерунда, работайте». Вот она и напомнила о себе. Сегодня. В дождь. Грунт шёл по линзе, вкось, поперёк слоя. Хуже не бывает.

— Эвакуация! — заорал он, защёлкивая карабин на страховке. — Саша, людей со дна! Витёк, технику наверх, живо!

Спрыгнул на нижний уступ. Под ногами хлюпнуло: грунт потерял сцепление. Подошвы почуяли раньше головы.

Люди побежали. Без паники, по-рабочему, быстро. Он полез последним. Проверил, все ли ушли. Кран стоит, стрела ровно. Опалубка держится. Грунт под ногами…

Грунт не шевелился.

Но он услышал. Нутром. Тихий треск, как от сухой ветки, только глубже. Будто под ним лопнула огромная кость.

— Трент, иди уже! — крикнул сверху Витёк.

Он поставил ногу на уступ.

И уступ исчез, как стёрли резинкой.

Под ногой была пустота. Чёрная, без дна.

Потом его скрутило. Выворачивало что-то под телом. Будто протащили через игольное ушко. В голове посыпалось невпопад. Лицо матери. Вчерашний звонок.

«Мам, я на вахту. Не жди, через месяц вернусь».

«Одежду тёплую возьми».

«Мам, там же юг».

Мать вздохнула в трубку. Потом: «Ну тогда звони».

Он хотел ответить ей прямо сейчас. Что всё нормально. Что просто упал. Сейчас встанет.

Но рта уже не было, и мыслей тоже. Было только падение, долгое, без конца.

Часть первая. ЧУЖОЙ

Глава 1. Чужое небо

Запах вернул его первым. Металл. Озон. Что-то сладковатое, как нагретый пластик. Во рту кровь.

Он лежал на чём-то твёрдом и тёплом. Бетон таким не бывает, мёрзлая земля тоже. Тёплое, как живое.

Глаза не открывал. Сначала проверил тело, привычка со стройки: сперва повреждения, потом уже вокруг. Руки целы. Ноги целы. Голова гудит, как с похмелья, но на месте. Рёбра держат, дышать можно.

Живой.

Открыл глаза и сразу зажмурился: слишком много света. Он шёл со всех сторон, мягкий, голубоватый. Ни ламп, ни стен, ни потолка.

Открыл снова, медленнее. Под ним была поверхность, не пол и не стена: матовый серый металл с перламутровым отливом. Такого он ни на одной стройке не видел.

Сел. Голову качнуло, несильно.

— Так, — сказал он вслух, хрипло. Собственный голос прозвучал чужим: воздух здесь был плотнее. — Чё за хрень.

Ответа не было.

Встал. Колени подогнулись: тяжесть непривычная, замет-

но больше земной. Помещением это назвать было нельзя. Стены, если это вообще были стены, уходили куда-то вдаль, ломаные, как смятый и криво разглаженный лист бумаги. Тени не было вовсе.

Карман, подумал он. Как воздушный карман в бетоне: пустота, которой не должно быть.

Шагнул. Поверхность держала вес молча, без скрипа.

Тогда он заметил нишу.

Аккуратное углубление в стене на уровне груди, слишком правильной формы для случайности. В нише лежало что-то.

Он остановился. Подходить не хотелось. Чуйка, которая берегла его на площадке, говорила: не трогай.

А ноги шли.

Он подошёл. В нише лежала сфера, чёрная, размером с кулак, матовая, без блеска. Пульсировала голубым, медленно, как сердце. Как маяк.

Он стоял над ней, не шевелясь. Что это, он не знал. Знал только, что уйти от неё не сможет.

Рука двинулась сама. Пальцы легли на поверхность: холодный полимер, живой на ощупь, будто под ним что-то дышало.

Ни жжения, ни вспышки. Просто сфера в ладони.

Он сжал сильнее.

Она вздохнула беззвучно, он почувствовал это ладонью. И распалась, как дым.

Из неё потянулись нити, тонкие, голубые. Вошли под ко-

жу, в мышцы, в нервы.

Он дёрнулся. Больно не было. Было так, словно в стене всю жизнь торчала пустая закладная и в неё наконец что-то вставили.

Нити текли по руке, по плечу, по груди двумя разными потоками. Первый оседал плотным, тёмным слоем на коже. Второй уходил глубже, в голову, разворачиваясь сетью за глазами.

Броня. И что-то ещё. Позже он назовёт это нейросетью, за неимением слова точнее.

Он хотел закричать, но горло не слушалось. Да и кричать было незачем.

Зрение поплыло. Он видел пространство иначе: стены кармана тускло-красными, пол серым, а там, где полагалось быть небу, тянулась нить. Голубая. Живая. Уходила куда-то за спину и вела вперёд, туда, где стены расступались проходом.

Он не на Земле. Это он понял первым.

Вторым понял: то, что вошло под кожу, обратно не выйдет. И вошло оно не одно, их было два.

Он посмотрел на руку. Кожа его. Морщины его. Шрам на указательном пальце тоже его. Но под кожей теперь бился второй пульс, не кровяной, тихий и голубой.

Что ты со мной сделала, подумал он. Сферы уже не было. Спрашивать было не у кого, разве что у того, что теперь сидело внутри.

Ответа не пришло. Нить в небе стала чуть ярче.

Он пошёл к проходу. Десять шагов. Пять. Три.

Остановился, обернулся. Карман не изменился: тот же ровный свет, те же ломаные стены.

Сюда я не вернусь, подумал он. Отметил, как отмечают в журнале.

И шагнул в проход.

Мир взорвался светом.

Боли не было. Просто слишком много сразу, как будто разбили мутное стекло, через которое он всю жизнь смотрел, и в глаза ударил полдень.

Он зажмурился, прижал руку ко лбу. Простоял так с минуту, привыкая, потом открыл глаза, сперва щёлкой, потом полностью.

Небо было перламутровым, с фиолетовым отливом по краю. На нём висели два солнца. Одно белое, в зените, ярче земного настолько, что смотреть на него было больно. Второе голубое, маленькое, низко над горизонтом, ползущее по пологой дуге. Тепла от него не было, только холодная стальная подсветка нижнего края неба.

Первый же шаг дался тяжело. Тянуло к земле сильнее, чем дома. Позже Кеш прикинет: в полтора раза. Привыкать пришлось долго. Он сделал несколько шагов, отдыхая через каждый третий, как после больничной койки. Потом сел прямо на землю: ноги не держали.

Воздух был плотнее и слаще земного, с металлическим

послевкусием, как после долгой работы рядом со сваркой. Он подышал глубже, проверяя, не станет ли хуже. Не стало.

Он сидел, глядя на два солнца, и переваривал простую вещь: завалом на стройке это не было, бредом тоже. Над ним висело чужое небо, и под ногами была чужая земля.

Мысль о спасателях кольнула резко: как они копают, как Витёк орёт диспетчеру, как звонят матери. Он помотал головой, отгоняя картинку. Не время. Сейчас надо просто пережить час. Потом следующий.

Он проверил карманы куртки. Старая привычка: прежде чем решать, перебрать, что есть. Телефон разбит, экран в паутине трещин. Ключи бесполезны, но выбросить рука не поднялась. Зажигалка щёлкнула, работает. Мультитул цел. В кошельке паспорт, права, мятые купюры. Фотографию в паспорте, испуганную, постную, снятую второпях в переходе у метро, он разглядывал с минуту.

Убрал документы обратно. Здесь они не значили ничего, но выбросить всё равно не смог.

Он стоял на краю пустыря. Земля утрамбована до каменной твёрдости, у горизонта редкие пучки серебристой, слабо светящейся поросли. Дальше горы металлолома, местами оплавленные, местами в ржавчине незнакомого фиолетового оттенка.

Свалка. Огромная.

Он пошёл вдоль неё, не зная куда, просто чтобы не стоять на месте. Под ногами позвякивали обломки, стекло, прово-

лока. Пару раз останавливался: кусок обшивки со знаками, которые почему-то сложились в слова: «Сброс. Не вскрывать». Он решил, что голова ещё гудит.

Через час или два (часов у него не было, а солнце тут двигалось иначе) он услышал гул. Далёкий, ровный, как трасса или завод.

Пошёл на звук, держась ближе к грудам металла. Открытое пространство инстинктивно казалось плохой идеей.

К вечеру горы мусора начали редеть. Он вышел к дороге. Не асфальт: тёмный, слабо светящийся по краю материал, идеально гладкий. По ней скользили обтекаемые капсулы без колёс. Выше, в воздухе, плыли грузовые платформы без видимых опор.

Он присел за грудой ржавых листов. Минут через тридцать увидел людей, вернее, тех, кто был на людей похож.

Двое шли по обочине, тихо переговариваясь. Мужчина высокий, с лицом настолько правильным, что оно казалось нарисованным: ни поры, ни морщины, ни малейшей асимметрии. Женщина рядом моложе, с волосами, светившимися изнутри слабым золотистым светом.

Что с ними не так, он понял не сразу. Глаза слишком яркие, как линзы. Движения слишком плавные. Живое тело так не ходит. Так ходит хорошо смазанный механизм.

Он отступил, задел ногой обшивку, и та лязгнула.

Мужчина остановился. Голова повернулась в его сторону плавно, по рассчитанной траектории. На миг показалось:

взгляд прошёл прямо сквозь груду металла.

— Бракованный, — сказал мужчина ровным, без интонации голосом. — Вне зоны учёта.

Слов Егор не понял: язык был совершенно чужим. Но смысл дошёл, как если бы кто-то внутри головы наскоро, неуклюже переводил. Женщина уже подняла руку. В ней вспыхнул короткий жезл, засветившийся тревожным голубым.

— Вызов стражи. Возможная аномалия.

Он не стал ждать развязки. Развернулся и побежал вглубь свалки, тяжело, неуклюже, проваливаясь в непривычную гравитацию, петляя между грудами металла.

Голубой луч срезал край ближайшей кучи. Искры брызнули в стороны. Он не оглядывался, бежал, пока не заломило лёгкие и сердце не забилось в горле.

Остановился, когда звуки погони стихли в общем гуле дороги.

Сел прямо на землю, спиной к холодному металлу. Отдышался. Руки тряслись.

— Ладно, — сказал он вслух. — Ладно, Трент. Разбираемся по порядку.

Сначала обстановка, потом план, потом действие: порядок любой новой площадки. Обстановка была ясна. Чужая планета, развитая цивилизация, и он здесь чужой. Настолько, что в него стреляют без вопросов.

Он дождался темноты, того подобия сумерек, что насту-

пает, когда белое солнце садится, оставляя небо голубому. Всё вокруг стало лиловым.

Ночь пришла холоднее дня. Куртка не спасала, через час он уже мёрз. Развёл костёр из обломков пластика и щепок от деревянных поддонов. Горело неохотно, чадило, но грело.

Огонь горел голубым. Даже огонь тут был не такой.

Тут его и накрыло. Он подумал о матери, о звонке, который она наверняка уже получила. О Витьке, о Саше. Копают ещё или уже списали в пропавшие без вести.

Подбросил щепок в костёр. Пережить эту ночь. И следующую.

Потом посмотрел на руку. Чёрного на ней не было: слой ушёл под кожу ещё в кармане. Он попробовал позвать его. Ничего. Ещё раз, злее. На кончиках пальцев проступило чёрное, на секунду, и ушло. Значит, слушается. Не сразу, не охотно, но слушается.

Спал урывками, вздрагивая от каждого звука и хватаясь за мультитул, как будто лезвие могло что-то изменить.

К рассвету (оба солнца поднялись почти одновременно) он был вымотан так, что не чувствовал холода. Костёр прогорел. Он поднялся, размял ноги и пошёл дальше вдоль края свалки, подальше от дороги.

Через час-другой блужданий вышел к трущобам.

Он не сразу понял, что это жильё. Низкие коробки, в два этажа от силы. Тёмный, чуть светящийся материал вперемешку с ржавым железом. Дерево только на косяках и под-

оконниках, по чуть-чуть. Дорогое, значит.

Проходы между домами узкие, местами не разойтись плечом к плечу. Пахло сыростью, гарью, прокисшей едой. И поверх всего немытым телом. Так пахнет везде, где не хватает воды. Он это знал по вахтовым общагам.

Он шёл медленно. На него не смотрели. Некогда.

Одежда чиненая-перечиненная. Обувь самодельная. Лица серые, обветренные, состаренные недосыпом больше, чем годами.

Дети попадались реже. Тощие, быстрые, ныряли между домами так, как ныряют те, кому часто приходится удирать. Один мальчишка на бегу глянул на него, прикинул, добыча или угроза, и пропал за углом.

На одной из узких улочек он остановился.

У низкой платформы с ящиками синеватых, в серебристых прожилках плодов стояла девушка лет двадцати, худая, коротко стриженная, с усталым, настороженным лицом. Она быстро, почти незаметно схватила плод и сунула под полу рваной куртки.

Не успела сделать и трёх шагов, а за спиной уже были двое в текучей чёрной броне, угловатой, тяжёлой, совсем не похожей на гладкую пару с дороги.

— Стой! — крикнул один, вскидывая жезл.

Девушка рванулась вперёд. Поздно. Голубой луч ударил её в спину, и она осела на землю резко, будто из тела разом выдернули кости.

Он смотрел секунду. Не твоё дело, сказал внутри трезвый голос, тот самый, что держал его на площадке. А ноги уже несли вперёд.

Подбежал, упал на колено. Она дышала часто, неглубоко, глаза открыты, но смотрели в одну точку.

Ближний страж повернул к нему забрало.

— Бракованный. На колени. Руки за голову.

Слов он не понял, смысл дошёл сам. Он не подчинился. Ударил плечом снизу, в корпус, как на стройке сбивал с ног дурака, шагнувшего под стрелу.

Страж пошатнулся тяжелее, чем он рассчитывал: броня весила немало. Жезл дёрнулся в сторону, луч ушёл в кучу мусора у стены.

Он не стал ждать повторной попытки. Подхватил девушку под мышки, потащил в переулок, петляя так же бестолково, как накануне на свалке.

Крики позади стихли в общем гуле улиц. Минут через десять девушка на его руках начала приходить в себя.

— Пусти, — прохрипела она.

Он опустил её у стены низкого дома. Она села сама, глянула на него сначала настороженно, потом с откровенным недоумением.

— Сзади ещё могут быть, — сказал он. — Пошли, покажи, куда.

И тут же сообразил: она не поняла ни слова. Для неё русский был просто шумом. Он показал рукой назад, на пере-

улок, потом на неё: куда?

Она смотрела пару секунд, потом махнула рукой.

— Туда. Быстро.

Дверь вровень с землёй вела в подвал, тесный, тёмный, сырой, освещённый слабым голубоватым светом от самих стен.

— Ты сумасшедший, — сказала она, отдышавшись. — Зачем вмешался? Меня бы, может, и отпустили через час, после проверки. А тебя за нападение на стража могут списать вообще.

Он понял каждое её слово и не смог ответить ни одним. Пожал плечами. Кивнул на дверь, на улицу за ней: увидел и пошёл. Больше объяснить было нечем.

Она посмотрела внимательно, как читают по лицу.

— Ты не роэнец. Узора на коже нет. Имплантов нет. Глаза обычные. Совсем другой.

Он ткнул себя пальцем в грудь.

— Егор. — Подумал и добавил, уже ни на что не надеясь: — С Земли.

Второе слово она, конечно, не поняла. Первое повторила с трудом, с горловым призвуком: «Йегор». Потом коснулась своей груди.

— Мар'Ива.

Минут через двадцать в подвал спустились остальные, по одному. Даже в собственный дом здесь входили с оглядкой.

Первым мужчина лет пятидесяти. Худой, жилистый, чуть

припадает на одну ногу. Глаза цепкие: с порога обшарили чужака, куртку не местного кроя, чистую кожу без узора.

— Кеш, — представился он коротко, наклонив голову вместо рукопожатия. — Отец.

За ним вошла женщина с рабочими руками и спокойным, усталым лицом.

— Лиа, — сказала она, окинув Егора быстрым взглядом. Так смотрят на раны, а не на людей. — Ты ранен?

Он понял и помотал головой.

Последним прибежал мальчишка лет двенадцати, тощий, взъерошенный. Замер в дверях, разглядывая Егора, как чудо, которое можно потрогать.

— Тарн, — сказала Мар'Ива. — Брат.

Рассказывала Мар'Ива быстро, вполголоса. Кеш слушал молча, задавал только практические вопросы: сколько стражей, какая улица, видел ли кто ещё. Когда она закончила, Кеш потёр больное колено.

— Ты вытащил её. Спасибо. Здесь так не делают. Обычно проще пройти мимо, чем рисковать собой ради чужого.

Егор кивнул. Объяснить всё равно бы не смог. Двадцать лет он не проходил мимо, если на объекте кому-то плохо. За сутки такое не отучишь.

Лиа разогрела на плитке похлёбку из таких же синеватых плодов, разбавленных чем-то вроде крупы. Пахло странно. После суток без еды пахло вкусно.

— Ешь. Выглядишь так, будто не ел целый день.

Он не ел со вчерашнего утра. Ел жадно и старался, чтобы это было не слишком видно. Семья смотрела на него, как смотрят на бродячего пса, которого впустили погреться: жалко, а вдруг укусит.

— Твоя мать знает, где ты? — спросила вдруг Лиа, без перехода.

Он остановился с ложкой на полпути.

Сказать он не мог. Да и что тут скажешь. Он покачал головой. Лиа поняла.

Она ничуть не удивилась.

— Значит, плачет. А ты жив. Это, в общем, главное, что тут можно сказать.

Он не нашёл ответа. Продолжил есть. Что-то в груди, сжатое с самого кармана, чуть отпустило.

Ночевать оставили в подвале, на продавленном матрасе. Из расчёта, объяснил потом Кеш. Выгонишь, возьмут патрули. А лишний труп на совести никому не нужен. Даже чужой.

Перед сном Кеш протянул ему потёртую вещь, округлую, металлическую, на кожаном ремешке.

— Держи. Часы. Механические, ещё деда. Электроника у бракованных не всегда надёжна, а эти ходят тридцать лет. Тебе нужнее: без счёта времени тут быстро теряешь голову, особенно не местному.

Егор взял осторожно. Циферблат простой, две стрелки, мелкая шкала по краю. Такие могли бы лежать у деда в серванте. На Земле.

— Спасибо, — сказал он по-русски, и слово вышло весомее обычного. Кеш слова не понял. Остальное, кажется, понял.

— Заводи каждый вечер, — сказал Кеш. — Тогда не подведут.

Он повертел часы в руках. Тяжёлые, настоящие. Первое, что в этом мире стояло твёрдо.

Завёл. Выставил стрелки на глаз по местному времени. И решил с этого дня считать дни. День первый. Зачем, он и сам бы не сказал. На стройке всё начинается с журнала. Пусть и здесь будет журнал.

Он лежал на продавленном матрасе и слушал, как тикают на запястье чужие, но уже свои часы. И уснул по-настоящему, чего с ним не случалось почти двое суток.

Он не знал, что где-то наверху, в чужой базе, уже висит строка: «Вне учёта. Возможная аномалия».

Глава 2

Глава 2. Норма

Проснулся от стука в дверь: сосед звал Кеша на смену. Часы показывали раннее утро.

День второй, подумал он. Глупо. Но с числом было легче.

Кеш уже собирался, деловито, без лишних движений. Лиа жарила на железном листе вчерашние плоды. На вкус как подгоревшая картошка.

— Работать пойдёшь с нами, — сказал Кеш, не спрашивая. — Свалка всегда принимает лишние руки, а бракованному без документов больше некуда податься. Заодно присмотрят люди Грэма. Старик свой на этом участке, разберётся, что ты за птица.

Егор не спорил. В подвале он бы за день сошёл с ума: думал бы про дом.

Перед выходом Лиа молча замотала ему правое запястье серой тряпкой.

— Многие так ходят, у кого метка кривая. Стыдятся.

Под тряпкой у него не было ничего.

Свалка Южного сектора открылась перед ним целиком, накануне он видел только край. Низина в несколько километров, забитая металлом, пластиком, стеклом, над которой уже роились дроны-сортировщики.

— Не лезь под манипуляторы, — предупредил Кеш. — Дронам всё равно, кто на пути, человек или мусор. Норма

важнее.

Работа выматывала сильнее, чем казалось со стороны. Металл в одну кучу, пластик в другую, стекло в третью. Всё, что подавало признаки электроники, нести к столу пожилого мужчины по имени Грэм.

Руки у старика заметно дрожали: то ли возраст, то ли, как объяснил позже Кеш, неудачно прижившиеся когда-то нониты. Грэм оглядел Егора дольше, чем требовало знакомство, и буркнул одно слово:

— Садись.

Весь день Егор разбирал электронику рядом с ним. Принцип тот же, что на стройке: сначала структура, потом детали.

К обеду он показал соседу по куче, неразговорчивому сортировщику Жосту, замыкание на снятой плате, ткнул пальцем в почерневший контакт. Жост разглядывал контакт с минуту, потом молча кивнул. С того момента начал изредка подкидывать ему находки поинтереснее.

Обеденный перерыв прошёл на краю рабочей зоны. Десятки сортировщиков сидели прямо на земле со скудными пайками.

Как здесь устроена оплата, Егор узнал позже, недели через три, когда уже мог спросить. Коряво, по слову, показывая на серые брикеты в чужих руках.

— Оплата, скажешь тоже, — хмыкнул тогда Жост. — Норма. Сдал вес, получил паёк и очередь на воду. Не сдал, паёк урезают. — Он мотнул головой на дрон, который как

раз пронёс над ними связку прутьев. — Дрон дороже нас.

— Деньги?

— Есть, — подсел Грэм со своим пайком. — Только у бракованных их почти не бывает. Настоящие деньги у Технарей и выше. Мы работаем за паёк, воду и крышу, если повезёт с бараком.

— Болеть? Рука… сломал?

Грэм невесело усмехнулся, глядя на собственные дрожащие пальцы.

— Медпункт один на весь сектор, очередь на месяцы. Лечат сначала тех, кто быстро вернётся к работе. Старику вроде меня разве что обезболивающее выдадут, и то не всегда.

— Технари?

— Своя медицина, получше, — сказал Грэм. — С приборами. А у Избранных наверху, говорят, рана заживает за час. Может, и врут.

Сдельщину Егор понимал прекрасно. Только на земной стройке невыполнение нормы означало меньшую премию, а здесь голод.

В первый вечер он вернулся вымотанным: ноги гудели сильнее, чем после самой тяжёлой земной смены. Гравитация съедала силы быстрее, чем он рассчитывал.

Лиа молча поставила перед ним порцию побольше. Отложила от своей, он заметил не сразу. Заметил, хотел возразить.

— Ешь. Голодный сегодня, лежачий завтра. А хоронить

я устала.

Тарн вернулся со своей смены (детей тоже пристраивали на разбор мелкого мусора) и засыпал его вопросами. Особенно его занимало, правда ли, что Егор поднял на кучу металла лом тяжелее самого Тарна.

Егор понял. Показал руки: мол, привычные. И невольно улыбнулся.

Перед сном он завёл часы. Второй день. Норма сделана. Значит, завтра будет паёк.

Мысль была маленькая. Как раз по размеру. Больших он пока не вынес бы.

Понимать он начал сразу. Говорить не получалось.

С первого дня внутри головы кто-то переводил смысл. Страж говорил «бракованный», и Егор знал, что это значит, раньше, чем успевал подумать. Лиа спрашивала «ешь», и рука сама тянулась к миске. Нейросеть сидела за глазами и тихо, неряшливо, с запозданием раскладывала чужую речь на понятное.

Но это работало только в одну сторону.

Открыть рот и сказать не выходило. Язык не слушался. Звуки у роэнцев были другие, горловые, с придыханием, с двумя видами «р», которые Егор не различал вовсе. Он пробовал повторить за Лиа простое «спасибо», и Тарн падал со смеху на матрас.

— Ты сказал «вонючая яма», — объяснил мальчишка, отдышавшись. — Почти так. Одна буква.

Читать он мог. Что это не голова гудит, он понял на третий день, у колонки: закорючки на табличке вдруг сложились в слова. «Две фляги в одни руки. Нарушение карается лишением очереди». Нейросеть читала всё: вывески, этикетки на пайках, бирки на ящиках.

Он никому не сказал. Бракованный без школы, который читает имперские таблички, уже не немой дурачок. Такого здесь назовут чужим, а чужих сдают. И ещё одно он знал со стройки: кто читает бумаги, которые при нём не прячут, тот на шаг впереди. Пока об этом не знают.

Первую неделю он был немым.

Это оказалось хуже, чем он думал.

На свалке было ещё ничего. Работа руками объясняется руками. Грэм показывал, Егор делал. Жост вообще говорил так мало, что они с Егором были почти на равных.

Хуже было снаружи.

На третий день Лиа отправила его за водой. Одного. Колонка в двух кварталах, очередь. Егор знал, где встать, знал, сколько брать. Всё знал.

Перед ним стоял мужик. Здоровый, в засаленной куртке. Когда подошла его очередь, он набрал две фляги, потом третью, потом полез с четвёртой.

Сзади загудели. Очередь длинная, вода по часам. Кто-то крикнул. Табличку над колонкой Егор прочёл ещё в очереди: две фляги в одни руки.

Мужик обернулся. Увидел Егора, чужого, с тряпкой на за-

пястье, в странной куртке. Сказал что-то.

Нейросеть перевела: «Чего уставился, пустоглазый?»

Егор хотел ответить. Спокойно. Как на стройке отвечал тем, кто лез без очереди на бетонный узел: «Мужик, две фляги. Тут все ждут». Он знал, что сказать. Знал до последней интонации.

Открыл рот. Вышло:

— Мх… ваа…

Мужик заржал. Следом заржали ещё двое в очереди.

— Немой, — сказал мужик. — Ещё и дурачок.

Он набрал четвёртую флягу. И пятую. И ушёл, проходя мимо, специально задев Егора плечом.

Егор стоял с пустой флягой и чувствовал, как к лицу приливает кровь. Сорок два года. Прораб. Орал на бригады в сто человек. А тут стоит, как пятилетний, и не может сказать «две фляги».

Воды ему в тот раз досталось полфляги. Остальную разобрали раньше.

— Говорят, тебя у колонки обозвали, а ты ни слова? — Мар'Ива смотрела на него с интересом.

Егор пожал плечами. Жестом показал: рот, замок.

— А. — Она кивнула. — Ну да.

Он попробовал сказать «я не могу». Вышло что-то вроде «ни мыгу».

Мар'Ива прыснула. Потом увидела его лицо и перестала.

— Ладно, — сказала она. — Будем учить. Только по-нор-

мальному. Не как Тарн, одни ругательства.

— Я не одни ругательства! — возмутился Тарн из угла.

— Ты вчера ему «ложка» показал как «задница».

Тарн сделал невинное лицо.

Учила Мар'Ива вечерами. После смены, при голубом свете стен.

Она брала вещь, показывала, называла. Он повторял. Раз. Десять. Тридцать.

— Не так. Язык назад. Вот сюда, к горлу. Как будто давишься.

— Кх… ppa…

— Хуже. Давись сильнее.

Он давился. Она смеялась. Потом он тоже начинал смеяться, и урок кончался.

Через неделю он знал слов двадцать. Не выговаривал ни одного правильно. Но его понимали. Лиа точно. Кеш, если прислушаться. Тарн всегда, потому что специально.

— Смешно ты говоришь, — сказал Тарн однажды. — Как будто с кашей во рту.

— Как… кха… как умею.

— Нет, правда смешно. Мне нравится.

На десятый день он снова пошёл за водой.

Тот же мужик. Та же засаленная куртка. Та же третья фляга.

Егор стоял через два человека от него. Сердце стучало в висках, глупо, как перед экзаменом.

Мужик полез с четвёртой.

— Две, — сказал Егор.

Громко. С кашей во рту. Неправильным «р». Но сказал.

Мужик обернулся.

— Чего?

— Две. Фляги. — Егор шагнул вперёд. — Норма. Все… ждут.

Мужик смотрел на него. Потом оглядел очередь. Люди молчали и смотрели на мужика.

Какая-то старуха за Егором вдруг сказала сипло:

— Правильно немой говорит.

Мужик постоял. Сплюнул. Убрал четвёртую флягу обратно в мешок. Ушёл, бурча под нос.

Егор набрал свои две. Руки дрожали, он чуть не пролил.

Старуха сзади ткнула его сухим пальцем в спину.

— Не немой, выходит.

— Не… немой, — согласился Егор.

Она беззубо улыбнулась.

— Ты ему сказал?! — Тарн прыгал вокруг. — Прямо сказал? Словами?

— Двумя. Словами.

— Какими?

Егор повторил. Тарн сморщился.

— Ты сказал «две фляжки» как «два дедушки».

— Всё равно… понял.

Мар'Ива смеялась в углу, закрыв лицо руками.

Кеш, чинивший у стола что-то мелкое, не поднимая головы, сказал:

— Язык дело второе. Главное, открыть рот, когда надо. Многие тут и на родном ни разу не открыли.

Егор посмотрел на него. Кеш так и не оторвался от работы, будто сказал это себе, а Егор просто оказался рядом.

Почему, Егор понял много позже.

К концу второй недели он выяснил, где кончается свалка. За последними горами ржавчины начиналось другое.

Местные называли это место просто: Пустоши.

Никто из бракованных не ходил туда без крайней нужды. Даже Грэм говорил о них коротко и без шуток:

— Туда только дураки и мертвецы. Иногда и то, и другое сразу.

Егор всё равно пошёл.

Прораб, попав на новую площадку, первым делом обходит забор. Где кончается. Что за ним. Где дыра.

Он вышел на рассвете, взял мультитул, зажигалку, флягу с водой и кусок плотного пластика от ветра. Броню держал глубоко внутри, тонкой плёнкой под кожей ладоней, на всякий случай.

Первые два часа путь был почти спокойным. Горы мусора постепенно редели. Под ногами всё чаще попадалась серая, слежавшаяся пыль, смешанная с металлической стружкой. Растительность здесь была редкой и злой: низкие серебристые кусты с жёсткими, будто проволочными ветками.

А потом изменился запах.

Сначала Егор принял его за промышленный выхлоп: горячий металл, кислота. Но запах был живым. Тяжёлым, мускусным, с острым звериным краем. Шёл по ветру со стороны низких рыжеватых холмов впереди.

Егор остановился.

Чуйка сказала: назад.

Он уже разворачивался, когда увидел движение.

На гребне ближайшего холма стояло существо. Собака, если бы собаки вырастали до полутора метров в холке и покрывались вместо шерсти жёсткими иглами красновато-оранжевого цвета. Туловище длинное, мускулистое. Когти тёмные, тяжёлые. Пасть с клыками, видными даже на расстоянии. Глаза маленькие, горящие тусклым жёлтым.

Гротх.

Егор слышал это слово пару раз на свалке. Всегда вполголоса. И всегда сплёвывали.

Существо стояло неподвижно, изучая его. Потом появились ещё двое. Потом ещё четверо. Через минуту их было девять.

Они не бросились сразу. Начали спускаться широкой дугой, перекрывая путь назад к свалке. Умно. Согласованно.

Егор попятился, ощупывая взглядом местность. До ближайших обломков метров сто двадцать. Слишком далеко.

Крупный гротх опустил голову, издал короткий низкий звук, кашель пополам со скрежетом металла. Остальные

ускорились.

Егор побежал.

Гравитация ударила сразу. Тело, и без того тяжёлое, налилось свинцом. Сзади уже слышалось частое хриплое дыхание и сухой треск игольчатой шерсти.

Он не успевал.

Первый гротх настиг его метрах в сорока от обломков. Удар сбоку: тяжёлое тело врезалось в бедро, когти рванули куртку и кожу под ней. Егор упал, перекатился, уже в падении вызывая броню.

Впервые полностью.

Чёрный слой вырвался из-под кожи резко, почти болезненно, покрывая руки, грудь, спину, ноги. Вместе с бронёй нейросеть включилась в полную силу, холодная, ясная. Мир на мгновение стал чётче. Он увидел траектории. Увидел, как второй гротх прыгает сверху.

Встретил его локтем и всем весом усиленного тела. Глухой мясистый удар. Гротх взвизгнул, отскочил, оставляя на панцире глубокие царапины.

Остальные не замедлились.

Навалились сразу с нескольких сторон. Он бил, блокировал, катался в пыли, чувствуя, как когти скребут по броне, ищут щель. Один вцепился зубами в предплечье. Броня выдержала, но давление было чудовищным, и она начала проминаться под клыками.

Он ударил тварь в глаз кулаком, усиленным бронёй.

Хрустнуло. Гротх разжал пасть, отскочил, тряся головой.

Но их было слишком много.

Один зашёл сзади, впился когтями в незащищённый участок под коленом. Боль острая, горячая, настоящая. Егор заорал и ударил назад с такой силой, что гротх отлетел, перевернувшись в воздухе.

Он вскочил, тяжело дыша. Панцирь в пыли, царапинах, тёмных разводах чужой крови. Иглы шерсти торчали прямо из брони.

Гротхи не убежали. Отступили на несколько шагов, встали полукругом, истекая кровью, но не теряя интереса. Вожак медленно облизал окровавленные клыки и шагнул вперёд.

Егор понял простую вещь: покажет слабость, и его порвут. Броня или не броня.

Он шагнул навстречу.

Нейросеть холодно подсказала уязвимые точки: суставы передних лап, место под нижней челюстью, глаза. Он двинулся первым.

Удар в бок вожака вышел тяжёлым и точным: под кулаком подался хрящ. Вожак взвизгнул уже по-настоящему, отпрыгнул, волоча переднюю лапу.

Стая дрогнула. Ещё секунда, и звери начали отходить, не поворачиваясь спиной, глядя жёлтыми злобными глазами. Через минуту последние спины скрылись за холмом.

Егор стоял на месте ещё долго.

Броня медленно, неохотно уходила под кожу, оставляя

дрожащую усталость и острую боль в колене и предплечье. Кровь, уже собственная, текла по ноге в порванный ботинок.

Пыль, кровь, иглы шерсти, следы когтей.

Он опустился на колено, перетянул рану куском пластика. Руки тряслись.

До холодного пота по спине он понял: убивает здесь не только система. Могут и просто сожрать.

Он поднялся и медленно, хромая, пошёл обратно к свалке.

Глава 3

Глава 3. Проверка

Грэм не любил разговаривать при людях. Когда он позвал Егора «помочь с одной платой» после смены, Егор сразу понял: разговор будет не о платах.

Ниша старика была, как всегда, тесной, заваленной разобранным и ещё не разобранным хламом, с единственным тусклым источником света. Пахло горячей пылью, старой изоляцией и чем-то кислым. Фирменный запах Грэма.

— Садись, — сказал старик, не глядя. — И не задавай пока вопросов.

Егор сел на перевёрнутый ящик. Колено тянуло тупой болью. Иглы гротха, вытащенные уже дома, оставили под кожей тёмные точки.

Грэм перебирал мелкие детали, будто ему действительно было дело до платы. Потом остановился и поднял глаза.

— Ты ходил в Пустоши.

Не вопрос.

— Ходил.

— И встретил их.

— Встретил.

Грэм кивнул, словно получил подтверждение тому, что и так знал. Достал дрожащей рукой из-под тряпья небольшую флягу, отпил сам, протянул Егору. Пахло резко, почти лекарственно.

— Пей. От их игл потом ещё неделю будет выкручивать, если сразу не погасить.

Егор выпил. Жидкость обожгла горло, тяжёлым теплом разлилась по груди.

— Ты знаешь, что такое Красные? — спросил Грэм.

— Слышал. — Егор подбирал слова. — Изгои. Горы.

Грэм хмыкнул, коротко, без веселья.

— «Изгои» говорят детям. Мы их зовём Красными. По цвету гор. И по цвету шерсти тех, с кем они ходят.

Он смотрел мимо Егора, в тёмную глубину ниши.

— Лет пятьдесят назад, я тогда ещё молодой был, при дворе Вэл'Гри прошла чистка. Тихая. Хуже казней. Людей вычёркивали: высоких Технарей, пару Избранных из боковых веток, тех, кто много спрашивал. Выбор давали: умри быстро или иди в Пустоши.

Грэм отпил из фляги.

— Кто дошёл, осел в Красных горах. Там старые шахты, говорят, ещё Первых. Тоннели на километры, город спрятать можно. И спрятали. А как они с гротхами договорились, никто не знает. Теперь Красные ходят вместе со стаями, как две стаи, которые поладили.

Он посмотрел Егору прямо в глаза.

— Когда они приходят к окраинам, сначала запах. Потом рыжее в пыли. А за гротхами люди. Говорят, с оружием, какого у нас отродясь не было. Врут, наверно. Оружие у них звери. Бьют быстро, берут, что унесут, иногда и людей, Тех-

нарей особенно. За ними в горы идти, значит, верная смерть. Империя пробовала. Отряды не возвращались.

— Зачем… говоришь? — тихо выговорил Егор.

Грэм усмехнулся уголком рта, устало.

— Потому что ты уже пахнешь ими. — Грэм кивнул на его колено. — И потому что человек, который один отогнал стаю, скоро станет интересен не только Комитету. Красные тоже собирают необычных. Особенно тех, в ком есть что-то от Первых. А в тебе есть. Я видел твою броню, парень. Хоть ты и прятал.

Он наклонился ближе, понизив голос.

— Пойдёшь когда-нибудь в Пустоши всерьёз, помни. Там не только звери. И люди там свои, не наши. Может, это шанс. А может, смерть.

Он откинулся назад, снова взялся за плату. Разговор окончен.

— Иди. И не повторяй сегодняшний маршрут ближайшие недели. После крови стаи становятся злопамятными.

Егор поднялся. У выхода остановился и, не оглядываясь, спросил:

— Ты видел? Красных?

Грэм провернул в пальцах отвёртку.

— Видел. Один раз. Издалека. И до сих пор не уверен, что хотел бы увидеть ближе.

Егор кивнул и вышел.

Снаружи уже полностью село белое солнце. Ветер со сто-

роны Пустошей принёс на секунду едва различимый запах: горячий металл и кислая шерсть. Он остановился, принюхиваясь.

Запах исчез.

Где-то там, за рыжими холмами, жили люди, которые договорились с гротхами.

Зарубки он теперь ставил карандашом на обороте старой квитанции, выпрошенной у Кеша. По свалке ходил уже увереннее, опасный мусор отличал от безопасного, норму делал.

Выговаривать он научился десятка три слов. Понимать помогала нейросеть, а говорить приходилось учиться по-старому: повторение, жесты, уроки. Вечерами учила Мар'Ива, днём Тарн, для которого обучение землянина превратилось в любимую игру.

— Норма, — говорил Тарн, тыча пальцем в кучу металла.

— Норма, — повторял Егор.

— Паёк.

— Паёк.

— Страж.

Это слово он выучил быстрее прочих. Жить захочешь, выучишь.

Ночью над кварталом прошли скиммеры.

Егор их слышал и раньше: низкий, ровный гул, от которого дрожали стёкла в редких окнах. Разглядел только в ту ночь. Вылез на крышу подвала, где чинил с Мар'Ивой водосток, и застыл.

Над трущобами, на высоте третьего этажа, плыли машины. Плоские, вытянутые, как утюги, без колёс и без крыльев. Держались в воздухе ни на чём. Антиграв, понял он. Снизу у каждой прожектор. Белый луч медленно полз по крышам, по улочкам, по дворам, заглядывал в щели.

— Не смотри вверх, — прошептала Мар'Ива. Дёрнула его за рукав вниз, за край крыши. — Лицо светится.

— Что они ищут?

— Всё. — Она лежала, прижавшись щекой к жести. — Тепло. У них глаз, который видит тепло. Сквозь тонкую крышу видит, сколько человек в доме. Если больше, чем записано, утром приходят. А днём дроны висят, дешёвые, открытые. Смотрят тепло, толпу, движение. Лица им ни к чему: нас много, и мы ничего не стоим. Лица смотрят наверху.

Луч прошёл над их крышей. Медленно. Задержался на секунду. Двинулся дальше.

— Каждую ночь?

— Раз в неделю. Иногда чаще. — Мар'Ива подождала, пока гул стихнет. — Ты теперь у нас лишний. В записях нас четверо. А тепла на пятерых.

Он лежал на холодной жести и думал: Кеш знал это с первой ночи. Знал и всё равно оставил его на матрасе в углу.

С того дня, когда шли скиммеры, Егор пережидал их в стоке. Под сливной решёткой за сараем. В холодной жиже, где тепло тела пропадает, как в воде. Мар'Ива показала. Лиа каждый раз ждала его с сухой рубахой.

Проверки приходили без расписания. То на свалку, то в кварталы. Чаще на рассвете, пока люди сонные.

Первую по-настоящему серьёзную он застал на шестнадцатый день.

Началось буднично: дроны патрульного вида появились над кварталом до рассвета, следом пешком прошли двое стражей в текучей чёрной броне.

— Документы, — потребовал один у первого встречного, немолодого мужчины с инструментами.

Тот торопливо достал потрёпанную карточку, единственное подтверждение личности для бракованного. Страж поднёс её к сканеру на запястье, дождался сигнала.

— Чужак без узора, — сказал второй. — У дороги, у свалки. Шестнадцать дней назад. Видел?

Мужчина замотал головой. Страж молча двинулся дальше.

Кеш, стоявший рядом, тихо, не разжимая губ:

— У меня документ есть. У Лиа есть. У Тарна нет, детский возраст, документы с шестнадцати. У Мар'Ивы просрочен, продлить не на что. У тебя нет вообще. Спрячься за домом.

Он послушался. Одна ошибка ударила бы по всей семье.

Из-за угла сарая он смотрел, как стражи методично проверяют квартал. Кто-то проходил без замечаний, кто-то с разбирательством и повышенными голосами. Одного мужчину задержали жёстко: документ оказался просрочен.

— За что? — тихо спросил он у Мар'Ивы.

— Просроченная регистрация. Раз в год нужно подтверждать и платить сбор. Не подтвердил, значит, нарушитель, забирают на «уточнение».

— Денег нет… тогда?

Она посмотрела на него как на наивного.

— Тогда проблемы. Им всё равно почему.

Прятаться за сараем оказалось мало.

Через час после начала проверки по кварталу пошли поисковые дроны. Маленькие, с тарелку, низко над землёй. Заглядывали в щели. Под навесы. В подвальные окна.

Один повернул к сараю.

Егор слышал его: тонкий писк моторов, всё ближе. Прижался спиной к стене. Сарай был сборный, из ржавых листов, щели в палец. Дрон увидит. Через щель. Тепло тела, форму, всё.

Мар'Ива возникла рядом. Откуда, он не понял.

— Сюда. — Шёпотом. Схватила его за рукав.

За сараем, у самой стены, была решётка. Та самая, сливная, под которой он пережидал скиммеры. Только тогда было ночью и на полчаса.

— Туда. — Мар'Ива уже поддевала решётку ножом. — Дроны под землю не смотрят. Холодно там. Жижа холодная. Тебя не увидят.

Он полез. Решётка встала на место. Над головой осталась полоска света в прутьях.

Днём жижа оказалась ещё холоднее, чем ночью. Воняло

так, что слезились глаза. Что-то шевелилось у ног, он не стал смотреть что.

Писк моторов. Прямо над головой.

Тень от дрона легла на решётку. Остановилась. Дрон висел. Смотрел.

Егор не дышал. Жижа была по грудь. Он сполз ниже, по подбородок. Холод пробирал до костей. Тело остывало, сравнивалось с жижей и становилось невидимым для тех, кто ищет тепло.

Броня толкнулась под кожей. Хотела наружу. Он не пустил.

Дрон висел. Десять секунд. Двадцать.

Улетел.

Он просидел в стоке до полудня. Пока проверка не кончилась. Вылез синий от холода, мокрый по шею, провонявший так, что Лиа, увидев его, отшатнулась.

— Мар'Ива, — сказал Кеш. Не спросил.

— Она.

Мар'Ива стояла у стены подвала. Сухая, чистая. Будто и не было ничего.

— Ты давно… так? — спросил он.

— Я там полжизни пряталась, — сказала она просто. — С шести лет. Каждую проверку. Сначала потому, что запись у меня была кривая. Потом, когда документ просрочился.

Он хотел что-то сказать, но слов не хватило бы и по-русски.

Пошёл отмываться. Мылся долго. На него ушла вся дневная норма воды семьи.

Никто не сказал ни слова.

Вечером Мар'Ива растёрла сажу с жиром и нарисовала ему на правом запястье метку, бледную, кривую, как у половины квартала.

— Три дня держит. Потом подновлю. В сток с ней полезешь, смоет. Вернёшься, сразу ко мне.

Проверка забрала троих: мужчину за просрочку, женщину с ошибкой в базе, подростка с украденным инструментом.

Уводили спокойно. Как мешки грузят.

Через несколько дней он увидел другую сторону того же механизма.

Он возвращался со смены поздно: задержался у Грэма с проводкой. На торговой улице ругались. Торговец что-то доказывал двум молодым в дорогой гладкой одежде с узором по вороту.

— Вы разбили половину товара! Это моя месячная норма!

— Подвинься, старик, — лениво бросил один, явно нетрезвый. — Заплатим, если приспичит.

Бросил на прилавок несколько монет, меньше, чем стоил разбитый товар, и оба, посмеиваясь, пошли дальше.

Двое стражей стояли в паре десятков метров и не повернули головы.

Егор подошёл к торговцу. Мотнул головой на стражей. Спросил одним словом, других не хватило:

— Почему?

Тот посмотрел на него как на человека, задавшего очевидный вопрос.

— Ты откуда такой? Это дети Технарей высшего разряда, а то и родня кого-то из Совета. Стражам платят не за то, чтобы лезть поперёк таких. Им платят, чтобы держать в узде таких, как я. Закон один на бумаге. Применяют по-разному.

Сказал без злости. Как про погоду.

Домой Егор шёл медленно. Такое бывало и на Земле. Только там он читал про это в телефоне.

Про двадцать пять лет Егор услышал от Грэма. Однажды вечером, над особенно сложной находкой, когда смена уже разошлась.

— Думаешь, Избранные не стареют, — сказал Грэм, не отрываясь от платы. Дрожащие пальцы всё равно перебирали детали точно. — Стареют. Только им есть куда деться. Тело служит лет двадцать пять. Потом смена. Память, всё, что делает человека собой, переносят в новое. Дорого. Очень. И не всегда гладко: кто-то теряет годы памяти, кто-то не просыпается, а кто-то просыпается, да не весь.

— А если… денег нет?

— Тогда двадцать пять лет и есть весь твой срок в силе. Дальше гаснешь. Наниты отказывают, тело сдаёт. Кто за год, кто за двадцать, как повезёт. — Грэм пожал плечами, резче обычного из-за тремора. — Богатым меняют снова и снова. Победнее один раз, если наскребут. А потом живут и счита-

ют, сколько осталось до даты.

— А мы?

— У нас своя дорога. Наниты для переноса у бракованных не приживаются. Восемьдесят лет, если повезёт со здоровьем. И никакой смены.

— Восемьдесят… больше. Чем у бедных Избранных.

Грэм невесело усмехнулся.

— Заметил. Только кто ж променяет двадцать пять лет молодого, красивого тела на восемьдесят вот этого? — Он поднял свои руки. — У нас годы длинные, да качество так себе. У них быстрые, да яркие.

На двадцать девятый день он снова увидел Избранного вблизи. Первый раз после той дороги.

Молодой мужчина (или не молодой, просто в молодом теле) прогуливался вдоль торговой улицы с двумя охранниками. Лицо скучающее, сытое, без тени опаски.

Он остановился у платформы с фруктами, той самой, возможно, которую когда-то обокрала Мар'Ива, взял плод, повертел с пренебрежением и бросил обратно, не заплатив.

— Второй сорт, — бросил он торговцу, не глядя на него. — Удивительно, как вы вообще этим торгуете.

Торговец согнулся, извинялся. За плоды, лучше которых в квартале не было.

Егор смотрел издалека. Кулаки разжал не сразу.

— Ему… двадцать пять? — спросил он вечером Мар'Иву.

— Тот. Сегодня.

— Может, двадцать пять. Может, сто двадцать пять, — пожала она плечами. — По лицу не определишь, тело не первое, если он из богатой семьи. У них даже мода своя: некоторые нарочно берут тело постарше на вид, для солидности.

Он лежал в тот вечер долго без сна, слушая тиканье старых часов на запястье. Двадцать девять зарубок на квитанции, двадцать девять местных дней. Земных выходило около тридцати одного: местные сутки были длиннее, это он почувствовал ещё в первую неделю, по сменам, по тому, как не сходилась привычка тела. Потом они с Кешем долго выводили коэффициент на глаз, по его земной памяти о сменах и по дедовым часам.

Месяц, подумал он. Почти месяц с той стройки, с того дождя, с того звонка матери. Дома, наверное, уже перестали искать всерьёз. Дома, наверное, уже привыкают к мысли, что его больше нет.

Он закрыл глаза. Додумывать не стал. Думал о другом: о словах Грэма и о рыжих холмах. Если есть дыра сюда, должна быть и обратно. А про дыры здесь, похоже, знают только в шахтах Первых.

Глава 4

На тридцать шестой день на свалке начались перемены. Малые, незаметные почти никому, кроме Грэма.

— Новый надзиратель, — сказал он однажды утром, мотнув головой на смотровую вышку на краю свалки. — Прежнего перевели. Этот молодой, из Технарей. Такие либо не лезут ни во что, лишь бы отчёт сходился, либо лезут во всё, выслуживаются.

Новый надзиратель, представившийся неохотно и односложно как Дессен, оказался именно из второй категории.

Первые дни он больше смотрел с вышки в бинокль, изредка спускался проверить участки. Егор держался незаметно. Правило здесь было простое: меньше внимания, спокойнее живёшь.

Не получилось.

На четвёртый день Дессен задержался у стола Грэма, глядя, как Егор быстро и безошибочно разбирает плату.

— Ты, — сказал он, обращаясь прямо к Егору. — Имя, номер регистрации.

Егор застыл. Грэм вмешался сразу.

— Это мой новый помощник, господин надзиратель, — сказал он с тщательно отмеренной почтительностью. — Родственник дальний, из Восточного сектора, документы оформляются, знаете, как оно бывает с переводом регистра-

ции между секторами. Бюрократия не быстрая.

Дессен смерил обоих взглядом.

— Как давно он тут?

— Второй месяц пошёл, — вставил Кеш. Он оказался рядом и сразу понял, к чему идёт. — Работает хорошо, норму всегда перевыполняет, лишних вопросов не задаёт.

— Перевыполняет, значит. — Цифры в отчёте волновали Дессена больше, чем один работник. — Ладно. Но чтобы к концу месяца документы были в порядке, иначе оформлю как нелегала, а это уже не моя головная боль, а Комитета.

Он ушёл. Егор ещё стоял, пока сердце не вернулось к обычному ритму.

— Комитет? — выговорил он по дороге домой, когда они с Кешем остались вдвоём.

— Комитет Порога, — сказал Кеш. — Они над стражей. Для нас обычно далеко. Порог у нас называют воротами системы, Комитет их держит. Без его бумаги к Роэну не ходит никто. И от Роэна никто. Но если тебя впишут к ним как нелегала, искать начнут всерьёз. Такого лучше не допускать.

Настоящие документы человеку без происхождения было не получить. Оставался чёрный рынок.

Кеш свёл его с Ворном, немолодым, вечно нервным фальшивщиком. Ворн делал бумаги тем, кому настоящих не полагалось: беглым, детям, рождённым вне учёта, редким чужакам.

— Дорого выйдет, — сказал Ворн, разглядывая Егора при

тусклом свете единственной лампы в своей тесной мастерской. — Обычно я делаю копии существующих личностей, немного подправленные. А тебя придётся вписывать с нуля: ни лица знакомого в базе, ни статуса подходящего. Такое сложнее и рискованнее, значит, и цена другая.

— Сколько? — спросил Кеш.

Ворн назвал цифру. Кеш присвистнул. Почти двухмесячная норма всей семьи.

— У нас таких денег нет, — сказал Кеш прямо.

— Тогда ищите другой способ, — сказал Ворн без особого сочувствия. — Или собирайте по частям, я подожду, если задаток внесёте. Или рискуйте без документов вовсе. Многие так живут годами, просто держась подальше от особо внимательных надзирателей вроде вашего нового.

Они вышли от Ворна с пустыми руками и с планом откладывать на задаток. План растягивался на месяцы.

— Прости, — выговорил Егор по дороге. — Из-за меня… траты. Риск.

— Из-за тебя моя дочь жива, — коротко ответил Кеш. — Так что не извиняйся.

В ту ночь, лёжа без сна, Егор впервые после Пустошей вызвал броню. Осторожно, на пальцах, на несколько секунд.

Тонкий чёрный слой лёг поверх кожи. Следом пришла знакомая тупая тяжесть за глазами, скорее предупреждение, чем боль: ресурс не бесконечен.

Он убрал слой. Слегка кружилась голова. Под кожей си-

дела штука, способная на многое. А нужна ему поддельная бумажка. И показать броню значило привлечь внимание куда страшнее надзирателя с биноклем.

Броню прятать. Документы добывать медленно, по-человечески.

У соседей Кеша, через два дома, был пролом в крыше.

Во время дождя вода лила прямо в комнату, где спали трое детей и бабка. Дети ложились под стол. Бабка не могла, у неё ноги не гнулись. Так и лежала под струёй, укрытая куском пластика.

Семья звалась Орри. Отец грузчиком в космопорту, на чужих челноках. Мать на кухне при бараке. Трое мелких. Бабка.

Егор увидел пролом на сорок первый день. И остановился.

Крыш он на своём веку перевидал сотни. Эта была из тех, что латать бесполезно, только перекрывать. Балки подгнили, обшивка просела. Если не сделать сейчас, через месяц рухнет вся.

Он сказал это Кешу.

— Знают, — сказал Кеш. — Денег нет. Материала нет. Рук нет: Орри с рассвета дотемна в космопорту.

— Материал есть. На свалке. Руки… — Егор поднял ладони. — Мои.

Кеш посмотрел на него.

— Ты с чего?

— Там бабка под водой лежит.

Кеш открыл было рот, потом махнул рукой.

Он делал это пять вечеров.

После смены он шёл на свалку, за материалом. Кусок обшивки. Две балки из разобранной платформы, длинные, лёгкие, из какого-то пористого сплава, какого он раньше не встречал. Крепёж. Проволока.

Грэм, увидев, что он тащит, прищурился.

— На что тебе?

— Навес. Соседям. Крышу перекрыть.

— Этим? — Грэм постучал по пористой балке. — Это с воздушной платформы. Лёгкое. Для лёгкого.

— Держит. Проверял. На себе… вешал.

Грэм пожал плечами. Промолчал.

Орри-отец сначала не поверил. Смотрел на чужака, который лезет на его крышу, как на вора. Потом увидел, что тот делает. Встал внизу. Подавал молча.

Дети крутились рядом, путались под ногами. Младшая, лет пяти, по имени Лая, носила ему гвозди в подоле. По одному. Каждый раз серьёзно, как великую ценность.

Егор делал, как делал всегда. Как дома. Каркас, стропила, обрешётка, обшивка внахлёст, чтобы вода уходила. Уклон тридцать градусов, как положено. Опора на старые стены, но с разгрузкой на две новые стойки. Он всё посчитал. На глаз, но на глаз он считал всю жизнь и не ошибался.

На пятый вечер закончил. Слез. Отошёл. Посмотрел.

Стояло ровно и крепко.

Бабка Орри, которую вынесли во двор посмотреть, долго глядела на новую крышу. Взяла его руку в свои, сухие, лёгкие, как пергамент, и что-то сказала. Нейросеть перевела с опозданием: «Сынок».

Он сглотнул. Кивнул.

Через три дня пошёл дождь.

Первый сильный за месяц. Лило ночью, стеной, с ветром. Егор проснулся от грохота по крыше подвала и подумал: хорошо, что успел. Бабка спит сухая.

Под утро раздался крик.

Он выскочил, не одеваясь. Через два дома толпа. Фонари. Орри-мать выла.

Навес лежал внутри.

Провалилась середина: прогнулась, провисла и сломалась. Он бы увидел, если бы смотрел. Он не смотрел. Он был уверен.

Под обломками оказался угол, где спали дети.

Двоих старших успели выдернуть: отец проснулся от скрипа. Младшую не успели.

Лаю вытащили через полчаса. Живую. Нога вывернута под углом. Кость торчала из-под кожи.

Лиа вправляла ногу при свете трёх фонарей. Кеш держал девочку. Та кричала так, что у Егора звенело в ушах. Потом перестала кричать, потеряла сознание. Лиа достала из жестянки пластырь со свалки, настоящий, в целой обёртке, который берегла второй год, и залепила рану поверх шины.

Обёртку сложила и убрала обратно.

Он стоял у стены. Не мог уйти. Не мог подойти.

Орри-отец подошёл к нему сам. Встал вплотную.

Егор ждал удара. Хотел удара.

Орри не ударил.

— Уходи, — сказал Орри тихо. — Уходи от моего дома. Не подходи больше.

И отвернулся.

— Гравитация, — сказал Грэм. Утром, на свалке. Не спрашивая. — Ты на своей земле строил. Там всё легче весит. Раза в полтора. И сплав этот для лёгкого. Он держит, пока сухо. Мокрый ползёт. Медленно, но ползёт. Каждый день чуть-чуть.

— Ты знал.

Грэм отложил плату.

— Подозревал. Сказать хотел. Не сказал. Думал, ты знаешь, раз так уверен.

Егор сел на кучу лома. Прямо, где стоял.

Двадцать лет. Двадцать лет без единого обрушения по его вине. Он выводил людей из-под падающего. Он знал грунт, знал бетон, знал металл. Знал.

Там. Дома. При одном «g». С известными марками стали. С таблицами, которые он учил в техникуме.

Здесь он не знал ничего.

— Руки у тебя правильные, — сказал Грэм. — Голова пока нет. Голова ещё на твоей земле.

Он пришёл к Орри вечером. Сам. С мешком.

Он встал у порога. Орри-отец вышел и остановился в дверях, не говоря ни слова.

— Я… — Егор подбирал слова. Их было мало, и все не те. — Я… ошибся. Моя вина. Девочка… Лечение. Я плачу. Всё. Что надо.

Он развязал мешок. Там были его пайки за неделю. Всё, что у него было.

Орри смотрел на мешок.

— Крышу, — сказал он наконец. — Крыша опять дырявая. Хуже, чем было.

— Сделаю.

— Не ты. — Орри покачал головой. — Тебя не надо. Материал принеси. Сделаю сам. С соседями.

Егор кивнул.

— И спроси сначала, — сказал Орри. — Кого-нибудь. Кто здесь родился. Прежде чем лезть.

Он взял мешок и закрыл дверь.

Лая потом хромала, несильно, но заметно.

Каждый раз, встречая её на улице, Егор здоровался. Она сначала пряталась за мать. Потом перестала. А однажды подошла сама и сунула ему в руку гвоздь. Один. Серьёзно, как великую ценность.

Он носил его в нагрудном кармане.

С того дня на свалке и в трущобах он делал одну вещь, которой раньше не делал никогда. Прежде чем взяться, спра-

шивал. Грэма. Жоста. Кеша. Кого угодно, кто здесь родился.

Это было трудно. Всю жизнь спрашивали его.

— Правильно, — сказал Кеш, когда заметил. — Поздно. Но правильно.

Документы сдвинулись с места не от отложенных денег: к сорок девятому дню их набралось едва на десятую часть суммы.

Раз в несколько недель на свалку приезжал инженер Зольтер, Технарь из мастерских верхнего яруса, принимал ценные находки. Обычно осматривал отложенное Грэмом и уезжал, не тратя слов на бракованных.

В этот раз всё пошло иначе.

Зольтер наткнулся на плату настолько сложную и повреждённую, что не смог определить даже её назначение. Грэм, чьи руки уже не позволяли работать с такой точностью, предложил позвать Егора.

Егор провозился с находкой около часа. Зольтер наблюдал с растущим удивлением. В итоге Егор определил назначение платы (компонент старой навигационной системы, снятой с давно списанного чужого торговца: таких на Роэн не пускают лет сорок, а железо с них до сих пор всплывает на свалке) и предложил способ восстановить часть функциональности подручными деталями со свалки.

— Где ты этому научился? — спросил Зольтер, разглядывая результат.

— Стройка, — сказал Егор осторожно, подбирая слова. —

Много лет. Дома. Понять, как устроено. Найти, что сломано. Чинить… малым.

— На родине, значит, — сказал Зольтер, глядя на него уже иначе. — Далеко это, я так понимаю.

— Дальше некуда, — коротко ответил Егор.

Зольтер не стал расспрашивать. Предложил дело:

— Мастерским вечно не хватает рук на нестандартную технику. Разовые заказы, неофициально. Платить буду деньгами.

Егор думал недолго. Такой шанс второй раз не придёт.

— Документов нет, — сказал он прямо. — Первая проверка, и нет твоего мастера. Работать могу. С бумагой. Хоть какой.

Зольтер присмотрелся к нему. Бракованный торговался. Сидел на свалке без имени и торговался.

— Тогда сделаем иначе. Оформлю тебя временным техническим консультантом при мастерской. По внутренним правилам это не требует полноценной регистрации, только допуск, который я могу выписать сам. Не постоянное решение, но продержится, а заодно даст время накопить на настоящие документы.

Он выписал разрешение прямо на месте: вбил строку в планшет мастерской и приложил к нему чистую карточку-заготовку. Вышло менее подробно, чем в настоящем документе, но для проверки вроде той, что устраивал Дессен, хватало.

— Зачем? — не удержался Егор. — Я… чужой.

Зольтер устало потёр переносицу.

— Толковых рук не хватает, а система душит именно их. Я не борец. Просто видел, как она это делает.

С того дня Зольтер стал появляться чаще, каждый раз с заказом. Платил честно. Почти всё Егор отдавал в общую кассу, на настоящие документы: допуск Зольтера держался до первой серьёзной проверки.

Мар'Ива, узнав о заработке, только хмыкнула.

— Технарь платит бракованному деньгами, — заметила она однажды, пока они чинили прохудившуюся крышу подвала. — Так не бывает.

— Руки, — ответил он. — Руки… полезные.

— Руки он мог взять и так. — Она прижала лист коленом. — Мог и никуда тебя не вписывать. Вписал. Значит, ему от тебя тоже что-то надо. Узнай что, пока не поздно.

Он не нашёл, что ответить.

К исходу пятьдесят третьего дня денег на документы набралась почти треть.

Глава 5

Глава 5. Жар

На пятьдесят шестой день Тарн не встал.

Лиа тронула его лоб и отдёрнула руку, как от плиты.

— Горит.

Мальчишка лежал на матрасе, свернувшись, и мелко трясся. Глаза открыты, мутные. На вопросы отвечал невпопад. Попросил пить, выпил кружку, через минуту его вывернуло на пол.

Кеш стоял над ним и тёр колено. Руки у него дрожали. Такого Егор ещё не видел.

— Сколько? — спросил Егор.

— С ночи, — сказала Лиа. — Думала, пройдёт. Здесь всегда думаешь, что пройдёт.

Медпункт был один на весь Южный сектор. Бывший склад с прорубленными окнами. Очередь начиналась за два квартала.

Егор нёс Тарна на руках. Мальчишка был лёгкий, как охапка хвороста, и горячий насквозь, через куртку. Лиа шла рядом, держала его за пятку, как будто это что-то меняло.

Очередь не двигалась. Люди сидели на земле, на ящиках, привалившись к стене. Старуха с рукой, замотанной грязной тряпкой. Мужик, который кашлял так, что сгибался пополам. Женщина с младенцем, который не плакал.

— Сколько ждать? — спросил Егор у парня в хвосте.

— Я тут со вчера.

У двери стоял санитар. Технарь, узор на запястье, чистый халат. Выходил раз в полчаса, окидывал очередь взглядом, выбирал.

— Ты. Ты. — Двоих молодых мужиков. Кто быстрее вернётся к норме.

Остальных не видел.

— Он же ребёнок! — Лиа шагнула к нему, когда он выглянул в третий раз. — Горит весь!

Санитар посмотрел на Тарна. Одну секунду.

— Дети в общем порядке. Детская квота на неделю выбрана.

— Какая квота?!

— Норма. — Он уже поворачивался. — Не я придумал.

Дверь закрылась.

Лиа стояла перед ней молча. Егор видел её спину и понимал, что сейчас она либо ударит в эту дверь кулаком, либо сядет на землю и больше не встанет.

Она не сделала ни того, ни другого. Повернулась.

— Домой.

— Есть лекарство, — сказал вечером Грэм. Пришёл сам, узнал от Жоста. Сел на ящик у матраса, посмотрел на мальчишку. — Жаропонижающее. Технарское. Сбивает за сутки. На рынке у Сита бывает. Из-под полы.

— Сколько?

Грэм назвал.

На матрасе всхлипнул во сне Тарн. Эту сумму они откладывали на документы Егора больше двух недель.

— Берём из этих, — сразу сказал Егор. — Бумаги подождут.

— Нет. — Лиа.

Все посмотрели на неё.

— Документы для тебя всё. Без бумаг тебя возьмут на первой проверке. А тебя возьмут, и нас с тобой. Всех. — Она встала. — Я сама.

Она ушла за занавеску, в свой угол. Вернулась с тряпочкой. Развернула на ладони.

Серьги. Две маленькие, тусклые, из белого металла, с синими камешками.

— Мамины, — сказала она. Ни к кому. — Единственное, что от неё. Прятала от стражей всю жизнь.

— Лиа… — начал Кеш.

— Молчи. — Сказала устало, без злобы. — Она бы сама отдала. Не задумалась бы.

Сит торговал в самом конце рынка, под навесом из обшивки. Толстый, лысый, с мокрыми губами. Покрутил серьги у лампы. Попробовал на зуб.

— Полдозы.

— Там камни, — сказал Егор.

— Стекляшки. Металл неплохой. — Сит бросил серьги на доску. — Полдозы. Хотите полную, несите ещё.

Лиа смотрела на серьги в его пальцах.

Егор шагнул к прилавку. Положил на доску руку ладонью вниз. И позволил броне проступить. Чуть-чуть. Одну тонкую чёрную плёнку по костяшкам. На секунду.

Сит посмотрел на руку. Потом на Егора. Мокрые губы сжались.

— Я слышал, — сказал Егор тихо, — что у тебя честные цены. Полная доза.

Сит пожевал губами.

— Полная, — сказал Сит. Отвернулся за склянкой.

На обратном пути Лиа сказала, не глядя:

— Не делай так больше. Из-за нас.

— Почему?

— Потому что он запомнил. А такие, как он, продают не только лекарства.

Егор промолчал. Она была права. Он это понял, ещё когда убирал руку.

Ночь была длинной.

Лекарство, горькое, коричневое, Тарн выплёвывал дважды. На третий раз Кеш держал ему голову, Лиа вливала по ложке, Мар'Ива гладила по волосам и что-то шептала, Егор не слышал что.

К середине ночи жар стал сильнее. Тарн бредил. Звал кого-то, кого Егор не знал. Потом вдруг ясно, отчётливо сказал:

— Егор, а на Земле краны до неба?

— До неба, — сказал Егор. Голос сел.

— Покажешь?

— Покажу.

Мальчишка улыбнулся и закрыл глаза.

Егор сидел у матраса и смотрел на часы. Стрелки ползли. Он считал вдохи Тарна. Четыре. Пять. Шесть. Каждый раз ждал седьмого. Седьмой приходил.

Он вспомнил, как на Земле сидел так же у постели отца. В больнице. Отец разбился с крана. Пять дней. Ему было шестнадцать, и он тоже считал вдохи. На пятый день седьмой вдох не пришёл.

Он никому здесь этого не рассказывал.

Под утро Тарн вспотел. Сразу, весь, будто его окатили водой. Лиа тронула лоб и заплакала. Беззвучно. Первый раз за всё время, что Егор её знал.

— Упал, — сказала она сквозь слёзы. — Упал жар.

Кеш сидел на полу, привалившись к стене, и смотрел в потолок. Губы у него шевелились. Егор не знал, молится ли он кому-нибудь. На Роэне он не видел ни одного храма.

Мар'Ива уснула сидя, уронив голову Тарну на плечо.

Через три дня Тарн сидел, пил похлёбку и требовал рассказать про краны.

Лиа ходила с голыми мочками ушей. Никто об этом не говорил.

А через неделю, возвращаясь со смены, Егор увидел у рынка человека в чистом халате. Того самого санитара. Он стоял у лотка Сита и что-то ему передавал, плоскую коробку, плотно завёрнутую. Сит сунул ему в ладонь пачку.

Лекарства из медпункта. Те, на которые «квота выбрана».

Санитар поднял голову. Встретился с Егором глазами. Узнал, кажется. И не смутился ни на секунду. Спокойно спрятал деньги и пошёл по улице, чистый, прямой, с узором на запястье.

На Земле он бы подошёл. Взял за халат. Спросил.

Здесь он постоял ещё секунду и пошёл домой. Сит уже запомнил его руку. Второй раз было бы хуже.

Он ненавидел себя всю дорогу.

Страж подошёл к ней на шестьдесят второй день.

Мар'Ива торговала у старого Хеба в конце рынка. Точнее, сидела рядом, пока Хеб отвлекался, и перекладывала из его ящика в свой мешок мелочь со свалки, которую потом меняла по своим каналам. Хеб знал. Хеб брал свою долю. Так было всегда.

Страж был молодой. Лет двадцать. Броня чистая, новая: недавно на участке. Шлем он снял и держал под мышкой. Лицо обычное. Широкое. С веснушками.

— Ты с ним живёшь, — сказал он.

Мар'Ива не подняла головы.

— С кем?

— С немым. Который говорит как с кашей.

Она продолжала перекладывать.

— Не знаю такого.

— Знаешь. — Страж присел на корточки, чтобы быть с ней вровень. — Я видел. У Сита. Неделю назад. Он руку на

прилавок положил. И по руке пошло чёрное. Как у нас на броне. Только у нас снаружи. А у него из-под кожи.

Мар'Ива замерла.

— Я не докладывал, — сказал страж. — Пока.

— Почему?

— Не знаю, что докладывать. — Он пожал плечами. — Скажу про бракованного с бронёй под кожей, меня в лазарет отправят, голову проверять. А не отправят, начнут копать. Найдут. Премию дадут. Может, даже на участок получше переведут.

Он смотрел на неё без злости, с расчётом: молодой парень прикидывал.

— Сколько? — спросила Мар'Ива.

Он улыбнулся облегчённо, словно боялся, что она не поймёт.

Назвал.

Это были все её деньги.

Своя заначка, не семейная. За восемь лет.

Она начала копить в четырнадцать. По монетке. Со свалки, с рынка, с Хеба. Прятала в щели за балкой под потолком, куда никто, кроме неё, не лазил. Никому не говорила. Ни отцу, ни матери. Даже Тарну.

Это были деньги на уход.

Однажды, думала она, она соберёт достаточно. Купит себе бумагу получше той, что Ворн обещал сделать Егору. Не бракованную. Технарскую, фальшивую. Уедет в другой сек-

тор, где её никто не знает. Может, в порт. Может, дальше. Будет жить там, где не надо воровать фрукты с платформ и где страж на тебя не смотрит.

Она почти собрала. Ещё год. Может, два.

Она стояла в темноте подвала, на ящике, с рукой в щели за балкой. Пальцы нащупали свёрток. Тяжёлый. Восемь лет.

Внизу спали. Кеш сопел. Лиа во сне прижимала к себе Тарна: он ещё не до конца оправился после жара. Егор лежал на своём матрасе у стены, на спине, закинув руку за голову. Часы тикали у него на запястье.

Он чужой, сказала она себе. С другой планеты, появился неизвестно откуда. Вообще-то он нам никто. Его можно сдать и получить премию самой, вместо того стража. Или просто промолчать, и пусть страж сам решает. Это не её дело.

Она подумала про свою щель. Про другой сектор. Про порт.

Потом подумала про то, как он встал на колено у рынка. В первый день. Рядом с ней, парализованной, в грязи. Не зная ни языка, ни правил. Просто встал.

Она вытащила свёрток. Слезла с ящика.

Страж ждал там, где договорились. За старой котельной.

Она отдала свёрток. Он развернул, посчитал. Кивнул.

— Этого никто не видел, — сказал он.

— Никто, — сказала она.

— Если кто ещё спросит, я его не видел. Твоего немого.

Никогда.

— А если кто-то из ваших тоже видел?

Страж подумал.

— Там только я стоял. Сзади. — Он сунул свёрток за пазуху. — Но ты ему скажи, пусть руку больше не кладёт. Не всегда там будет стоять такой, как я.

Такой, как я. Она чуть не рассмеялась. Такой, как ты, который берёт восемь лет чужой жизни за то, чтобы не открывать рот.

Но он действительно мог не брать. Мог просто доложить. Премия. Участок получше. Он выбрал её деньги. Это было, наверное, самое честное, что он мог сделать в своей броне.

Он надел шлем и ушёл.

Она вернулась домой к рассвету тихо. Легла на своё место.

Егор лежал на спине с открытыми глазами.

— Где была? — шёпотом.

— У Хеба. Товар разбирали.

Он смотрел на неё.

Она не отвела глаз. Врать она умела с шести лет. Лучше всех в квартале.

— Ладно, — сказал он. И отвернулся к стене.

Утром Лиа, перебирая пайки, спросила между делом:

— Ты что такая?

— Какая?

— Как будто у тебя что-то украли.

Мар'Ива засмеялась.

— У меня? Украли? Мама. Кто у меня что-то украдёт.

Лиа посмотрела на неё тем взглядом, каким смотрела на раны. Ничего не сказала.

Щель за балкой теперь была пустой. Иногда ночью она вставала на ящик и совала туда руку. Проверить. Как проверяют языком дырку от выбитого зуба.

Пусто.

Однажды она расскажет ему. Может быть.

Остальное собрали за неделю. Часть из заработков у Зольтера. Часть из того, что семья выгадывала на себе: урезали даже то немногое, что раньше позволяли.

Мар'Ива тоже принесла свою долю, и Егор сначала вскинулся.

Она молча выложила на ящик свёрток: мелкие исправные компоненты, аккуратно завёрнутые в тряпку.

— Выменяла у знакомых сортировщиков. За долю от продажи. Не ворованное.

— Свалка государственная. Всё, что на ней, считается имуществом Империи.

— Половина сектора так живёт. Комитету не до мелочи.

— Не хочу, чтобы ты рисковала из-за меня.

— Я рискую не из-за тебя. — Резче, чем стоило. Потому что это была правда только наполовину, а полуправду она ненавидела больше, чем враньё. — Я рискую, потому что сама решила. Ты мне не хозяин, Егор. И не единственная причина, по которой я что-то делаю.

Он замолчал. Она жила здесь свою жизнь задолго до того, как он свалился ей под ноги.

— Прости. Спасибо. За то, что сама решила.

Она коротко улыбнулась. Такие улыбки у неё были редкие, и он уже научился их ценить.

На шестьдесят восьмой день сумма набралась. Ворн взялся без проволочек.

Ворн снимал лицо сам. В своей мастерской, чулане без окон под лестницей старого склада. Посреди чулана стул. Напротив стула краденый служебный регистратор: ящик с линзой. Линза смотрела на Егора, как глаз.

— Не моргай, — сказал Ворн. — И не улыбайся. Бракованные на документах не улыбаются.

— Почему?

— Не знаю. Никогда не видел, чтоб улыбались. — Ворн нажал что-то. Щёлкнуло. — Ещё раз. Ты слишком ровно сидишь. Как Технарь. Ссутулься.

Егор ссутулился.

— Лучше. Теперь смотри так, будто тебе всё равно, что с тобой будет.

Егор посмотрел.

Ворн сказал, не отрываясь от линзы:

— Нет. Ты смотришь так, будто тебе не всё равно. Это видно. — Щёлк. — Ладно. Пусть будет. Таких тоже бывает. Иногда.

Он щёлкнул ещё раз. Потом ещё. Трижды, пока не остался

доволен.

Уже убирая линзу, сказал:

— Знаешь, сколько я этих лиц снял? За тридцать лет?

— Сколько?

— Не считал. Сотни. — Ворн обернулся. — И каждый второй потом пропал. Через год. Через пять. Бумага от стражи не спасает. Бумага только откладывает.

— Тогда зачем делаешь?

Ворн пожал плечами.

— Потому что год есть год. Пять лет есть пять лет. Иногда человеку больше и не надо. Успеть что-то. — Он посмотрел на Егора. — Тебе, по-моему, надо.

Егор ничего не ответил.

Когда он уходил, Ворн сказал ему в спину:

— Ирган. Имя я тебе выбрал. Знаешь, что значит?

— Нет.

— Ничего. На старом наречии «тот, кого нет». — Ворн усмехнулся. — Хорошее имя для бумаги. Плохое для жизни. Постарайся, чтоб было наоборот.

Через неделю Егор держал в руках карточку. Лёгкая, пластиковая, с его лицом. Имя: Ирган. Происхождение: пограничный сектор на отшибе, куда базы данных дотягиваются через раз. Статус: бракованный, низший разряд, но полноправный.

— Спросят, отвечай просто, — сказал Ворн. — Родился в захолустье. Документы восстанавливали после пожара в ар-

хиве. Пожар был на самом деле, база подтвердит. Лишнего не выдумывай. Чем проще враньё, тем дольше живёт.

Вместе с карточкой он сунул Егору плоский флакон тёмного стекла с притёртой пробкой.

— Метку твою я видел. Сажа на жиру держится до первого дождя. А это краска. Двадцать дней держит. Мыло не берёт, щёлок не берёт. Холодная жижа из стока за час смоет. Подновляй раз в две-три недели. Флакона хватит на полгода.

Карточка почти ничего не весила. А с плеч будто сняли мешок, который он таскал два месяца и уже перестал замечать.

Имя. Чужое, купленное. Но система его признаёт.

— Ирган, — сказал он вслух. Попробовал на языке. — Сойдёт.

— Откликаться не забывай, — хмыкнул Кеш. — Дессен окликнет по документу, а ты стоишь как пень.

В тот же вечер Егор стёр сажу Мар'Ивы и навёл метку заново. Сажа сходила серыми катышками. Краска Ворна легла бледно и криво, как у всех, и через час уже не мазалась.

Дессен проверял раз в две-три недели. На этот раз глянул на карточку, провёл сканером, дождался зелёного огонька и пошёл дальше. Ни одного вопроса.

Егор смотрел ему в спину. Всё его право быть здесь, работать, дышать без страха умещалось в кусок пластика размером с ладонь.

Вечером на обороте квитанции, под рядами зарубок, он

вывел не очередную черту. Целую строчку, корявыми местными буквами, которым его учил Тарн:

«День семьдесят пятый. Теперь у меня есть имя».

Читать он мог давно. Писать рука не умела, и на уроках Тарна притворяться не приходилось.

Мар'Ива заглянула через плечо.

— Хороший день. Стоит запомнить.

— Первый нормальный с тех пор, как я здесь. Ничего особенного не случилось. Просто одной бедой меньше.

Она села рядом. Смотрела на ряды зарубок: каждая досталась ему потом и усталостью.

— Я ведь ставила, что ты сдохнешь за неделю, — сказала она. — Или станешь как мы: ещё один бракованный, который считает дни до пайка. Ты не сдох. И как мы не стал.

Глава 6

Глава 6. Верхний ярус

На восемьдесят третий день инженер Зольтер позвал его наверх.

Срочный заказ, мастерская Технарей. Бракованных туда пускали только с провожатым и по бумаге.

— Пропуск выписал, — сказал Зольтер, пока они шли к эстакаде. — Держи при себе. Спросят, я отвечаю.

Эстакада поднималась над трущобами длинной дугой. Внизу оставались ржавые крыши, развешанное бельё, дым от плиток. С каждым шагом воздух менялся. Меньше гари. Меньше сырости. На середине подъёма Егор поймал себя на том, что дышит глубже, просто потому, что здесь можно.

Наверху начинался другой город.

Широкие улицы. Никакого мусора. Стены домов светлые, ровные, без заплат. Вдоль тротуара кадки с живыми растениями, и никто их не выдёргивал на корм.

Над ярусом, по воздуху, шло движение. Капсулы, похожие на капли, скользили между башнями по невидимым дорожкам, на трёх, на пяти, на десяти уровнях сразу, не сталкиваясь, не останавливаясь. Грузовые платформы шли ниже. Скиммеры стражей выше всех, медленные, с белыми прожекторами на брюхе. Небо было расчерчено, как чертёж.

— Там внизу этого нет, — сказал Егор.

— Внизу незачем, — сказал Зольтер. — Внизу ездят толь-

ко скиммеры. И только ночью. Чтобы видеть тех, кого не видно днём.

Высоко над башнями, тяжело, как баржа, шёл к верхнему порту грузовой челнок, тупой, тёмный, совсем не похожий на капли.

— Чужие, — сказал Зольтер, проследив его взгляд. — Дальше верхнего порта их не пускают. Роэн закрыт.

Люди тоже другие. На гладких кукол с дороги в первый день они не походили. Обычные, только чистые. Спокойные. Шли не торопясь, не оглядываясь. Так ходит тот, кого не останавливают на каждом углу.

— Технари, — тихо сказал Зольтер. — Средний слой. Нормальная медицина, школы для детей, деньги вместо пайка. И присмотр. Только без жезлов, тоньше. Не туда сказал, не повысят. Не с тем дружишь, переведут. Бить не бьют. Просто перестаёшь расти.

На углу стоял автомат с водой. Женщина приложила запястье, получила полный стакан, отпила половину и вылила остаток в клумбу.

Егор смотрел на мокрую землю дольше, чем следовало. Внизу за такой стакан стояли в очереди с рассвета.

Мастерская оказалась светлой, просторной, забитой техникой. Половину он даже не мог опознать. Техники в чистых комбинезонах, с узорами статуса на запястьях, подняли головы разом.

— Опять Зольтер тащит кого-то с помойки, — сказал

один, не понижая голоса. — Своих рук мало?

— Своих рук, которые разберутся в навигационном блоке без инструкции, мало, — спокойно ответил Зольтер. — Или вы его за два дня оживили?

Техник отвернулся к верстаку.

Блок стоял на отдельном столе. Старый, тяжёлый, с чужой маркировкой, с давно списанного торговца. Стандартная диагностика показывала: всё исправно. Блок не работал.

Егор снял кожух. Минут десять смотрел, ничего не трогая. Затем начал разбирать, слой за слоем, откладывая детали по порядку, как раскладывал когда-то арматуру перед вязкой.

Три часа. Техники поначалу косились, потом перестали. Тот, что косился дольше всех, пару раз подходил, стоял за плечом, уходил.

Он прогрел блок лампой, как прогревают сварной шов, чтобы дефект раскрылся. На тёплом металле в самой глубине разошлась волосяная трещина во внутренней цепи. На холодном её не видел ни один щуп: диагностика у Технарей думала за них, и думала о холодном.

— Вот, — сказал Егор. — Сверху всё звенит. Внутри нет.

Техник у верстака наклонился, посмотрел. Выпрямился.

— Два дня бились, — сказал он себе под нос.

Зольтер отлучился по делам. Егор вытер руки и подошёл к окну во всю стену.

Отсюда был виден следующий ярус. Выше. Башни из светящегося металла, тонкие, как иглы. Между ними платфор-

мы, висящие в воздухе без опор. На крышах сады. Зелёные, густые, настоящие.

— Верхний Город, — сказал вернувшийся Зольтер. — Избранные, Совет, самые богатые семьи. Я был там дважды, по службе. Красиво. Только всё время кажется, что тебя пустили по ошибке и сейчас попросят на выход.

— А кто всем этим управляет? Совет?

Зольтер удивился: странный вопрос для человека, прожившего здесь почти три месяца.

— Вэл'Гри. Правит дольше, чем кто-либо помнит. Совет есть, решения принимает. Последнее слово за ним.

— Какой он?

— Не знаю. Не видел. И не увижу, не мой уровень. На людях почти не показывается. Одни говорят, удержал Империю от развала. Другие шепчут, выстроил касты под себя. — Зольтер пожал плечами. — Внизу про него только слухи.

Егор задрал голову к иглам башен. Правитель, которого не видели даже те, кто работает на него всю жизнь.

Он отложил эту мысль, как откладывал на стройке трещину в стене, которую пока нечем чинить.

Техник из мастерской в тот вечер пил в забегаловке у эстакады. С ним сидел приятель, младший клерк из местного отделения Комитета Порога.

— Бракованный, — сказал техник в кружку. — Без образования. Три часа, и готово. А мы два дня. Зольтер его прямо с помойки притащил. Польза, понятно. А всё равно непра-

вильно.

Клерк кивал, думая о своём.

Утром, по привычке фиксировать всё, что выбивается из нормы, он внёс в сводку сектора одну строку:

«Зафиксирован наём неучтённого бракованного специалиста для внеочередного ремонта повышенной сложности. Происхождение не установлено. Рекомендуется проверка при плановой ревизии».

Строка ушла в общую базу Комитета. Одна из тысяч за день.

Егор ничего об этом не знал. Накануне вечером он спускался по эстакаде обратно вниз, туда, где снова пахло гарью и сыростью, и считал про себя: восемьдесят три. Восемьдесят три дня. Первый день, когда он увидел Роэн не только снизу.

На девяносто шестой день Зольтер сказал:

— Есть заказ. Наверху. Совсем наверху.

— Верхний Город?

— Один дом. — Зольтер был необычно серьёзен. — Избранный. Ильвен. У него в саду система полива, старая, никто не может починить. Три инженера отказались. Один сломал больше, чем было. Платит хорошо. Очень. Но там… Держи язык за зубами. Совсем. Смотри в пол. Не отвечай, пока не спросят.

Лифт в Верхний Город шёл вверх так долго, что заложило уши.

Потом двери открылись.

Здесь сады росли на всех уровнях, даже на крышах. Деревья с листьями, зелёные до черноты. Мягкая живая трава, по которой ходили босиком. Вода текла в каналах, била в фонтанах, сбегала тонкими струйками по стенам в бассейны, где плавали рыбы с золотыми плавниками.

Воздух пах листвой. Мокрой землёй. Цветами, которых он не знал.

— Не смотри так, — шепнул Зольтер. — Заметят.

Заметят? Кто? Людей на террасе не было. Но шагах в двадцати, над кадкой с деревом, нейросеть показала железо и тепло там, где глазу было пусто. Воздух над листьями чуть дрожал. Дальше двадцати шагов она не доставала.

— Что там висит? — одними губами.

Зольтер дёрнул щекой.

— Ничего не висит. Наверху их полно, с полем, невидимые. Смотрят лица. Ты как заметил?

— Воздух дрожит.

Зольтер посмотрел на него внимательнее, чем на плату. Егор опустил глаза в траву, как велели.

Дом Ильвена стоял на отдельной террасе. Белый, низкий, утопленный в зелени. Слуга, Технарь с узором на шее, провёл их через сад к насосной станции. Старой, облупленной, спрятанной за живой изгородью, чтобы не портить вид.

— Там, — сказал слуга. И ушёл.

Егор присел перед насосом. Снял кожух.

Мотор хороший, мощный. Трубы толстые, из сплава, ко-

торого он ещё не встречал. Насос гнал исправно, на выходе давление было. А в сад вода не шла.

Егор прошёл вдоль трубы. От насосной ей полагалось уйти в землю. Вместо этого она поднималась аркой над изгородью (так не пришлось копать под корнями) и только за ней ныряла вниз, к каналам. Он постучал ключом по арке. Ниже по обе стороны металл отзывался глухо, а наверху звенел пусто. Воздух. В верхней петле собрался мешок, и насос гонял его туда-сюда, как поршень, который никуда не ходит. Три инженера до него проверяли насос, мотор и автоматику. Диагностика Технарей видела всё, что стояло в насосной. Трассу трубы за изгородью она не видела.

Он пробил в верхней точке арки отверстие под воздушник и поставил кран, снятый с поливочной линии. Воздух вышел со свистом. Ещё полчаса ушло на промывку.

Насос взял ровнее. По саду побежала вода.

— Это вы?

Егор обернулся.

У изгороди стоял молодой человек. Лет двадцати четырёх или двадцати пяти на вид. Высокий. Стройный. Лицо без единой морщины, красивое, как у тех двоих с дороги в первый день. Глаза яркие. На запястьях узоры, тонкие, светящиеся, сложные.

Он смотрел на бьющую из-под куста воду. И улыбался.

— Три года она не работала. Три года. — Он подошёл ближе. — Как вы это сделали?

Егор глянул на Зольтера. Тот уткнулся взглядом в землю. Молча показывал: отвечай коротко.

— Воздух. Трубу подняли над изгородью. Наверху мешок.

— Над изгородью. — Избранный засмеялся. Легко, искренне. — Три года без воды, потому что изгородь красивее насоса.

— Смотрели на насос.

Избранный перестал смеяться и только теперь разглядел Егора.

— Вы бракованный.

— Да, господин.

— И говорите странно.

— Издалека я.

— Издалека. — Ильвен присел на край каменного бортика. Снова покосился на воду. — Садитесь. Оба. Я велю принести чего-нибудь.

Зольтер побледнел. Сесть рядом с Избранным? Такого не бывало.

— Садитесь, — повторил Ильвен. Мягко. Как просьбу.

Сели.

Принесли кувшин. Прозрачный. С водой, в которой плавали какие-то лепестки. Холодной до ломоты в зубах.

Егор пил и чувствовал себя вором.

— Можно я спрошу? — сказал Ильвен. — Вы, бракованные… Сколько живёте?

— Лет восемьдесят, господин. Если повезёт.

— Восемьдесят. — Избранный повторил это слово медленно. Будто пробовал на вкус. — В одном теле.

— В одном.

Ильвен смотрел на свои руки. Гладкие, сильные, с тонкими светящимися узорами.

— Этому телу двадцать четыре года и восемь месяцев, — сказал он. — Через четыре месяца срок. Смена.

Журчала вода.

— У моей семьи денег хватило на одну смену. На мою старшую сестру. Три года назад. — Он говорил спокойно. — На мою не хватает. Отец продаёт дом на нижней террасе. Может, хватит. Может, нет. Узнаем через четыре месяца.

— А если нет? — спросил Егор. Зольтер толкнул его ногой под бортиком.

Ильвен не обиделся.

— Если нет, то нет. Двадцать пять лет. — Он пожал плечами. — Это хорошая жизнь. Красивая. Я многое видел. Много любил. Я не жалуюсь.

Он посмотрел на Егора. Глаза у него были спокойные. И очень усталые. Такие глаза Егор видел у стариков в хосписе, куда ездил когда-то к бабке.

— Скажите, — сказал Ильвен. — Каково это, знать, что у тебя есть восемьдесят лет?

Егор поставил стакан на бортик.

— Не знаю, господин, — сказал он наконец. Честно. — У нас не знают. Никто не знает, сколько у него. Может, во-

семьдесят. Может, завтра грузовик.

— Не знают. — Ильвен смотрел на него с изумлением. — Вообще не знают? Сколько?

— Вообще.

— Как же вы живёте?

— Живём. — Егор потёр ладонью колено. — Планы строим. Откладываем. Ссоримся. Думаем, что ещё успеем.

Ильвен смотрел на воду.

— А я вот знаю, — сказал он тихо. — Четыре месяца и девять дней. Может быть. И каждое утро просыпаюсь и считаю.

Он встал.

— Спасибо за воду. Правда. Моя сестра любила этот сад. Когда была первый раз. Теперь, во втором теле, она сюда не ходит. Говорит, не помнит, почему любила.

Он ушёл по дорожке. Высокий, красивый, прямой. Двадцать четыре года и восемь месяцев.

Слуга расплатился с Зольтером у ворот. Щедро. Вдвое больше обещанного.

— Господин велел, — сказал слуга. — Сказал, за изгородь.

В лифте вниз оба молчали.

Уши заложило. Воздух становился гуще, серее, кислее с каждым уровнем. Егор дышал им, и ему впервые на Роэне не хотелось наверх.

— Он сказал про сестру, — сказал Зольтер тихо. На сере-

дине спуска. — Что она не помнит, за что любила сад.

— Сказал.

— Говорят, так бывает. После смены. Память переносят. А что-то не переносится. Не знают что. — Зольтер смотрел на двери лифта. — Мой начальник однажды сменился. Вернулся на службу, всё помнит. Дела, имена, цифры. И жену свою помнит, а любить перестал. Через год развелись.

Двери открылись. Внизу пахло гарью.

Егор шёл через трущобы домой и думал о двоих. Грэм сорок лет перебирает платы трясущимися руками. Ильвен пьёт холодную воду с лепестками. Один умрёт медленно, к восьмидесяти. Второй через четыре месяца и девять дней.

Кабинет у Кора был узкий, как пенал. Стол, терминал, стул с треснувшей спинкой, который он третий месяц собирался сдать в хозчасть. Окно выходило на стену соседнего корпуса. Если прижаться щекой к стеклу, можно было увидеть полоску неба.

Он не прижимался. Давно.

Каждое утро одно и то же. Поток отклонений со всего сектора. Опечатки в базах, двойные записи, люди, умершие дважды, и люди, не родившиеся ни разу. Большая часть мусор. Его работа: найти в мусоре то, что не мусор.

Ему было двадцать три. Телу двадцать три. Первому и, возможно, единственному.

Отец дослужился до среднего поста и так и остался в первом теле. Денег на смену не наскребли. У Кора два брата и

сестра. На всех четверых семье не хватит даже на одну процедуру. Значит, смену получит тот, кто сам заработает её, дослужится до нужного ранга. До двадцати пяти.

Три года.

Он не думал об этом специально. Это просто сидело где-то под рёбрами, как заноза, которую не достать. Заставляло перечитывать отчёт дважды там, где другие читали один раз.

Строка про неучтённого специалиста попалась ближе к обеду.

Бракованный, временный допуск, наём в обход процедуры. Таких по сектору десятки. Инженеры экономят время, берут кого придётся. Кор уже потянулся пометить «не требует действий» и остановился.

«Происхождение не установлено».

Ни «не указано», ни «уточняется». Не установлено. Клерк, писавший это, похоже, действительно пытался и не смог.

Кор запросил данные.

Ответ пришёл через три часа: запрос по сгоревшему архиву шёл через ручной допуск. Ирган. Документ выдан недавно. Восстановлен после пожара в архиве пограничного сектора. Пожар был. Архив сгорел. Проверить нечего.

— Удобно, — сказал Кор вслух пустому кабинету.

Слишком удобно. Единственная настоящая дыра в системе, и легенда аккуратно вставлена точно в неё.

Он не побежал к начальству. Подозрение ещё не улика.

Он видел, как горят те, кто бегает к начальству с подозрениями. Быстро и навсегда.

Завёл строку в свой личный список, о котором не знало начальство. Список он вёл в бумажной тетради: терминал отдела помнил каждое нажатие. Записал: имя, дату, «Зольтер», «пожар, совпадение?». Закрыл.

Стул скрипнул. Кор подумал, что всё-таки надо сдать его в хозчасть. И не сдал.

На свалке в тот день стояла такая жара, что металл обжигал через перчатки.

Белое солнце висело в зените и не двигалось. Сортировщики прятались в тени куч, кто-то лил воду на голову из последней фляги.

— Бывает раз в пару месяцев, — сказал Жост, отирая лицо. — Верхние гонят тепло через старые шахты. Выход как раз над нами. Перенести дороже, чем слушать, как мы ноем.

— То есть просто никому не надо.

— А есть разница? — Жост сплюнул в пыль. — У нас даже погода по кастам.

Мар'Ива на обед не пришла. Появилась к концу перерыва, бледная, со сжатыми губами. На вопросительный взгляд Егора мотнула головой: потом.

Рассказала по дороге домой.

— На торговой площади. Забирали семью. Мать, отец, двое мелких. Регистрация просрочена у нескольких сразу, значит, решили, что кого-то прячут.

Она шла, глядя под ноги.

— Мелкие ревели. Мать пыталась объяснить, её отпихнули. А люди… просто расходились. Обходили. Как лужу.

— Здесь это обычное дело.

— В том-то и дело. — Она остановилась. — Я почти прошла мимо. Почти. А потом вспомнила, как спросила тебя тогда, в подвале, зачем ты ввязался. Ты не ответил. Не смог.

— Помню.

— Теперь я сама знаю. Я не могу их вытащить. Но смотреть буду.

Он кивнул.

— Упрямая ты, — сказал он погодя.

— Ага, — сказала она. И впервые за вечер слабо улыбнулась.

Сто первый день. Он лежал в темноте, слушал часы.

По-земному больше трёх месяцев. Дома мать, наверное, уже поставила его фотографию на полку. Есть ли отсюда дорога назад, он не знал. Но поймал себя на том, что ищет её в каждой байке про Первых.

Что-то сдвигалось. Он чувствовал это, как чувствуют под ногами грунт, который ещё держит, но уже начал течь.

Через несколько дней Зольтер, разбирая с ним очередную партию плат, сказал вполголоса:

— Слышал про ту семью на площади?

— Мар'Ива видела.

— Это не случайность. Задержания участились. Похоже

на подготовку к плановой ревизии. — Он повертел в пальцах конденсатор. — Технарей предупреждают заранее. Бракованных, когда уже стучат в дверь.

— Когда?

— Не знаю. Официально ни слова. Но на твоём месте я бы готовился. Чтобы легенда у всех совпадала слово в слово.

Вечером Егор пересказал это Кешу.

Кеш потёр подбородок.

— Ревизия тебе не Дессен с биноклем, — сказал он. — Приезжает группа из Комитета. Полные базы, не наши огрызки. Хорошие сканеры. Кровь не возьмут: на бракованных реактив не тратят. Смотрят карточку,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.